

В рассказе «Пламенная патриотка» Николай Семёнович Лесков (1831–1885) вспоминал: «Я был за границую три раза, из которых два раза проезжал “столбовою” русскою дорогою, прямо из Петербурга в Париж, а в третий, по обстоятельствам, сделал крюк и заехал в Вену»¹. Эти «обстоятельства» — поездка летом 1884 года в Мариенбад, где писатель лечился целебными водами. История пребывания здесь нашего славного земляка достаточно показательна и заслуживает внимания.

Лескову был оказан самый тёплый, дружественный приём. Глубокое уважение к русскому автору проявили местные власти. «Немцы ко мне очень благосклонны, делился он своими впечатлениями в письме к редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому, — так что даже заставили завидовать мне настоящих генералов, которых теперь много привалило из Франции. Меня сделали “почётным гостем”, прислали “почётный билет” в собрания, клуб и библиотеку; не пожелали взять с меня податей (около 25 гульденов) и за пользование врачебными пособиями. Всего одолжили, пожалуй, гульденов на 100»².

1 Лесков Н. С. Собр. соч.: В 36 т. — СПб, 1902 — 1903. — Т. XVI. — С. 271.

2 Цит. по: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным семейным и семейным записям и памятям: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1984. — Т. 2. — С. 277–278. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

У себя на родине честный и независимый писатель, который плыл «против течений», не подчинялся «ни партийным, никаким другим давлениям»³, подобной заботой избалован никогда не был: «Дома, в отечестве, со мною ещё такого казуса не было» (278).

Соотечественники, долго живущие за границей и знающие Лескова по его книгам, стремились лично познакомиться с любимым писателем. Так, русские студенты из Вены нанесли ему визит. Дамы дарили корзины цветов. Лесков испытывал смущение и неловкость от чрезмерного женского внимания, но приписывал его дамскому капризу и здешней скуке: «Дамские гонения не устают, но я уже махнул рукою, потому что всё равно работать нельзя, да и скрыться некуда. Здесь им делать нечего от скуки» (276).

Но случались и настоящие «трогательности». Любопытен такой факт. Священник русского посольства Ладинский приехал из Веймара и трижды приходил к Лескову домой, однако не заставал его. На веймарской визитной карточке Ладинского не был указан местный адрес. Лесков искал своего визитёра по всему Мариенбаду, но безуспешно. И тогда в один из воскресных дней писатель отправился в русскую походную церковь. Богослужение проводил Ладинский. «Подходя к кресту, — пишет Шубинскому Лесков, — я сказал ему моё имя. Он сию же минуту вернулся в алтарь, подал мне просфору и вдруг сказал: “Знаете ли, господа, кто это? Это наш умница Николай Семёнович Лесков”. Я переконфузился, а он добавил: “Да, да, наш милый, честный, прекрасный умница”. Потом перекрестил меня и сказал: “Я 25 лет на чужбине и 18 лет мечтал о счастье Вас видеть и обнять”. Мы оба растрогались и... чего-то заплакали. Это, может быть, не умно, но тепло вышло...” (278).

А в это время в России фельетонист «Новостей и Биржевой газеты» продажный еврей-сионист В. О. Михневич по поводу сердечного приёма, оказанного Лескову в Мариенбаде, опубликовал довольно неуклюжую язвительную статью. Тему подхватила газета «Новое время», которую возглавлял А. С. Суворин — по отзыву Лескова, его «милый, но ковар-

3 Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956 — 1958. — Т. 11. — С. 222. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

ный благоприятель». Была напечатана насмешливая статейка «Маленькая хроника», иронически выставляющая ситуацию в фарсовом виде: будто бы Лесков, приехав на отдых и лечение, озаботился прежде всего тем, чтобы сообщить, что он известный русский писатель, дабы получить определённые льготы и преимущества, и теперь раздувается от чванства, принимая оказанные ему за границей почести. Российские газеты приписали Лескову грехи нескромности и бахвальства, в которых его никогда нельзя было упрекнуть. В очередной раз замечательный писатель был «освистан» недоброжелательно настроенной прессой, не терпящей его честного талантливого слова.

В Мариенбаде профанные печатные материалы попались на глаза Лескову. По этому поводу он писал Шубинскому: «Свистать» надо мною можно как над всяким, но в подлости и лицемерии меня едва ли можно уличить, как можно в том уличить бы гг. свистунов. Михневич всё сделал неловко и грубо, не зная дела. То, что оказано городским муниципалитетом мне, — постоянно по коренному здешнему обычаю оказывается каждому писателю — элину же, яко и иудею, то есть немецкому, *как и иностранцу*, к какой бы нации он ни принадлежал. Это так здесь всегда и для всех писателей, которых знают. Почему же узнали меня? (Тут и изощрялось надо мною остроумие). А дело весьма просто, и причин тому много» (279).

В первый же день по прибытии на отдых Лесков записался в читальный зал «на чтение книг русских и польских». В библиотечном собрании хранились книги самого Лескова, и библиотекарь-чех по фамилии Шигай сразу признал писателя. Кроме того, Шигай был также издателем местной газеты «Marienbader Zeitung». Поэтому не удивительно, что крохотный Мариенбад размером «с тарелку» мгновенно облетела новость о приезде русского автора. Лесков уже был известен в Германии по вышедшему здесь сборнику Бокка «Гражданство и администрация в России», где третья часть была составлена из перевода лесковских статей об Остзейском крае. Немцы жадно прочитали книгу, «с большими и даже, может быть, излишними мне похвалами, — замечал Лесков, — за «благородное беспристрастие и справедливость»» (279). Так что ему не было надобности «титумоваться» в курорт-

ном городке, который «весь собирается ежедневно у одного источника» и где писателя сразу могли узнать. Вот простые и понятные причины популярности Лескова в его последний приезд за границу. «Здесь просто — люди вежливы, и занятие литературою пользуется вниманием. Более ничего, — отмечал писатель. — Тут и в библиотеках с литераторов не берут денег за чтение, как с лекарей в аптеках за лекарства» (279–280).

По поводу пасквильных статей русской прессы в его адрес Лесков писал Шубинскому: «я нескромностию и нахальством никогда не отличался, а если меня знают попы, дамы и студенты, то уж это так само от дел сделалось. Над чем же свистать-то? Что их русского человека поставили не ниже, чем француза или поляка из Кракова, или венгерца из Пешта?! Экие тактичные люди мои братья! Разъясните им, пожалуйста, при случае, что дело могло обходиться без моего радетельства об известности» (280).

В романе «На ножах» (1871) Лесков разоблачил один из распространённых способов многовековой массовой мимикрии противников Христа, подобных еврею Тихону Кишенскому — экс-нигилисту, жадному и хитрому ростовщику, мошеннику, продажному журналисту, вероломному интригану, шпиону, «полицейскому», подлецу и предателю — словом, «деятелю на все руки». Таким, как он, «нужен столбовой дворянин», в том числе и для того, чтобы под прикрытием русских, особенно — знатных, фамилий пробираться на руководящие должности, занимать ключевые посты в государственных, коммерческих, религиозных, общественных учреждениях России с целью кабалить, разлагать и уничтожать коренное население страны, глумясь над его христианскими идеалами и православной верой; маскируясь русскими именованиями и вывесками; снаружи рядясь в овечьи шкуры, будучи изнутри волками; фарисейски прикрываясь благими целями доброделания, безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служить не Богу, а мамоне. О чужеродном кабальном иге, опутавшем Россию, настоятельно предупреждали Святые отцы — христианские подвижники.

«Видимыми бесами» назвал иудеев в V веке святитель Кирилл, патриарх Александрийский; «самые души иудеев есть жилища демонов»⁴, — утверждал святитель Иоанн Златоуст.

В Евангелии от Иоанна повествуется, как Господь Иисус Христос обличил сатанизм иудеев: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин. 8: 44); «Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога» (Ин. 8: 47). От общения с подобными безбожниками предостерегал апостол Павел: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?» (2 Кор. 6: 14)

В этой связи наиболее актуально звучат слова Лескова, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести «Овцебык» обращался к тем «благодетелям» народа, у кого слово расходится с делом: «А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Всё на язычничестве выезжают, а на дело — никого. Нет, ты дело делай, а не бреш. <...> эх, язычники! фарисеи проклятые! <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй».

«Была бы душа в сборе да работали бы руки»⁵, — писал Лесков за год до этих событий своему другу Ф. А. Терновскому — киевскому профессору, историку Церкви. Он был писателю «мил и близок по симпатиям и даже по несчастью»: «Оба мы были одинаково и одновременно оклеветаны и вышвырнуты из службы как люди “несомненно вредного направления”. История эта подлая и возмутительная по своему гнусному и глупому составу, была тяжела для меня (и остаётся такою), а Филиппа Алексеевича она стёрла с земли» (273–274).

Перед самым отъездом в Мариенбад пришло известие о смерти Терновского, судьба которого была во многом схожа с лесковской: «Мы с ним одновременно понесли одинаковые гонения несправедливых людей, и я это перенёс, или, кажется, будто перенёс, а он, — с его удивительно философским отношением к жизни, — опочил... Пожалуй, не выдержал...» (274)

4 Св. Иоанн Златоуст. Полное собрание сочинений: в 12 т. — М., 1991. — Том 1. — Книга 2. — С. 645–759. Рекомендовано к печати Отделом по религиозному образованию и катехизации Московского Патриархата.

5 Лесков Н. С. Письмо Ф. А. Терновскому от 28 мая 1883 года // Украина. — 1927. — № 1 — 2. — С. 193.

Об отношении в России к честным людям, которые слушались прежде всего голоса христианской совести и, подобно самому Лескову, отказывались «с притворным благоговением **нести мишурные шнуры** чьего бы то ни было направленного штандарта» (XI, 234), писатель не раз отзывался строками пушкинского стихотворения: «Здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке!» (254)

«Законникам разноглагольного закона», подменяющим заповеди Божьи лукавыми социально-политическими установлениями, Лесков противопоставил Христа, «Который дал нам глаголы вечной жизни»⁶.

Фарисеям и законникам Господь Иисус Христос адресовал гневное обличение: «Он сказал: и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобноносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них» (Лк. 11:46).

Лесков продолжал переносить несправедливые нападки фарисеев, но до конца дней своих готов был служить Родине, насколько хватало сил.

⁶ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 3 т. — М.: Худож. лит., 1988. — Т. 3. — С. 205.